

Несостоявшаяся поездка в Вену

Я решил, что встречу с Геннадием Титовым последний раз. Встреча должна была состояться 20 января 1984 г. Я пришел к выводу о невозможности продолжения нашего контакта и собирался объяснить это Титову на последней встрече. Может быть, наши пути когда-нибудь в будущем вновь пересекутся?

Утром в пятницу 20 января было ужасно холодно, когда я быстрым шагом шел через Королевский парк и по улице Карл Йохан. В 9 часов в МИД Норвегии прошли утренние встречи, в которых я должен был принимать участие как начальник управления печати и информации министерства, нужно было просмотреть и подготовить неотложные бумаги. Затем состоялась короткая встреча с советником по вопросам печати американского посольства в его офисе на улице Драмменсвейен. Он высказал большое удовлетворение проведением и освещением недавнего визита в Норвегию госсекретаря Джорджа Шульца.

Я должен был вылетать в Вену в 12.30 и, уже опаздывая, быстро заехал в МИД, забежал в свой кабинет и написал короткую записку секретарше: «Нахожусь на встречах. Увидимся в понедельник». Взял с собой и положил в портфель стопку телеграмм со стола, вызвал по телефону такси и направился в аэропорт Форнебю. Было уже начало первого. Заканчивалась регистрация, и мне удалось успеть в последний момент с помощью всегда любезного начальника ВИП-зала. С собой у меня была только ручная кладь, и я побежал по длинному коридору к стойке регистрации.

Там стоял высокий мужчина с орлиным носом, который преградил мне дорогу: «Начальник управления Трехолт. Вы арестованы по подозрению в шпионаже в пользу Советского Союза».

Мир рухнул.

Пока меня вели из аэропорта к ожидавшей полицейской машине, мое место в самолете занял заместитель начальника Службы безопасности Норвегии (ПОТ) Туре Юнсен. Он направлялся в Вену, чтобы осуществить попытку вербовки. У Юнсена были 500 тысяч долларов наличными в сумке и полномочия предоставить Александру Лопатину новое имя и возможность проживания в любой западной стране, если он будет готов сотрудничать и расскажет ПОТ и другим спецслужбам Запада все, что ему известно о Трехолте.

Почти 6 часов спустя после драматического ареста в Осло по разные стороны витрины большого магазина электротоваров на улице Нюдорферштрассе в Вене переминались с ноги на ногу двое мужчин среднего возраста. Спортивный старомодный автомобиль с рокотом проехал мимо. Смеркалось. Стояла тишина. Рабочий день закончился, но для ночной жизни было еще рано. Напротив находился индийский ресторан «Гадж Махал».

Полгода назад группа слежки ПОТ прочесывала этот район. Они были здесь и несколько дней назад, чтобы провести последние обследования. Все было подготовлено к завершающему и решительному акту «операции “Фокстрот”», над которой ПОТ активно работала с осени 1977 года.

Человек в темном пальто и меховой шапке медленно прошелся в сторону Юнсена и обратно. Тот отвернулся, чтобы его не разглядели. Юнсен был в замешательстве: он ожидал увидеть здесь Лопатина, но неожиданно встретил Геннадия Титова. Что теперь делать? Норвежский контрразведчик решил ретироваться.

Туре Юнсена легко можно было принять за моего двойника. Мы были с ним одного роста, у обоих – проседь в волосах. На нем были такие же, как у меня, пальто и русская меховая шапка (шапку подарили мне в Москве в 70-е годы во время официальных переговоров по разграничению экономических зон в Баренцевом море). Титов увидел человека, удивительно похожего на меня, который направился в его сторону, затем остановился, пристально посмотрел на него и быстрым шагом пошел дальше.

Титов продолжал терпеливо ждать. Прошло 10, 15 минут. Никого не видно. Неожиданно вновь появился похожий на меня

незнакомец. На этот раз вместе с ним была женщина. Они подошли к Титову и поздоровались. Титов впоследствии так передавал содержание разговора:

– Так это Вы, господин Титов, стоите тут и ожидаете? Я думал, что это Александр Георгиевич Лопатин. Несмотря на это, у меня для Вас плохие новости. Вы напрасно ждете. Нужно признать фиаско. У меня письмо, и я хочу, чтобы Вы его прочли. Думаю, после этого Вам будет непросто возвращаться в Москву, но у нас есть к Вам предложение: богатая жизнь на Западе, если Вы согласитесь сотрудничать с нами.

– В чем дело? – прервал эту тираду Титов. – Кто Вы и что за провокации Вы себе позволяете?

– Я представляю норвежскую контрразведку. Прошу извинить меня. Я принял Вас сначала за господина Лопатина, но теперь я вижу, что имею дело с генералом Титовым. Печальная для Вас история – один из ваших лучших агентов арестован и охотно рассказывает все, что знает. Такой промах трудно будет объяснить Вашему руководству. Ваше положение незавидное, но я могу предложить выход.

Туре Юнсен показал на свою сумку.

– Здесь 500 тысяч долларов. Они Ваши, если хотите. Можете пересчитать и тогда поймете, что мы подходим к делу серьезно. Если Вы будете сотрудничать, то эти деньги – только начало. Мы можем предложить вывезти за границу Вашу семью, дадим всем вам документы на новые имена. Вы можете сами выбрать западную страну, в которой захотите жить, и будете обеспечены до конца своих дней. В противном случае Вас ожидают конец карьеры и, если повезет, маленькая пенсия. Этого быть не должно. Мы легко можем согласовать все необходимые детали. Нас полностью поддерживают американцы. Вам нечего бояться, господин Титов!

– Вы ведете очень опасную игру. Надеюсь, Вы понимаете, что я немедленно доложу об этом нашим властям. Расцениваю Ваше поведение как чистую провокацию!

– Не спешите, господин Титов.

Туре Юнсен явно занервничал. Он подошел к Титову и положил ему в карман пальто конверт. Оказалось, что это два письма, которые Титов до сих пор хранит у себя. Письма опубликованы в изданной в Норвегии книге «В новом свете», которая содержит ходатайство адвокатов от 25 июня 1990 г. о новом рассмотрении уголовного дела 21/1985. Одно письмо адресовано Лопатину, другое – Титову.

– Я живу в гостинице «Интерконтиненталь», – сказал Юнсен. – В одном из писем Вы найдете инструкции о Ваших дальнейших действиях. Там есть также номер телефона. Если в этом есть потребность, мы отложим свой отъезд. Это позволит нам выполнить все необходимые формальности.

Титов быстро прочел одно из писем, наскоро написанное от руки по-английски:

«Геннадий Федорович,

Прилагаемая записка предназначалась г-ну Лопатину. Я был рад увидеть Вас. Наше многолетнее изучение Вас дает основания полагать, что Вы, вероятно, примете наше честное предложение.

Как можно скорее в течение двух часов после получения данного письма Вы должны быть в приемной гостиницы «Интерконтиненталь». Вы войдете через главный вход, и я встречу Вас там.

Значительная сумма, которая будет Вам гарантирована в дополнение к полной безопасности и переселению в западную страну по Вашему выбору, равна 500 000 – пятистам тысячам долларов США.

Надеюсь скоро Вас увидеть».

Титов открыл также письмо, адресованное Лопатину:

«Александр Георгиевич,

Ваш норвежский агент АРНЕ ТРЕХОЛТ арестован и открыто рассказывает о своей шпионской деятельности. Как показано на прилагаемой фотографии, снятой в Вене в августе 1983 года, Вы и Ваша служба провели данную операцию не особенно профессионально. Кроме того, очень непрофессионально, что Вы не обнаружили факт работы Арне Трехолта на другую службу. Подумайте, как все это и предстоящая сенсация отразятся на Вас и Вашей карьере.

Ваше нынешнее положение вызывает у нас сочувствие. Если мысль о возвращении в Москву беспокоит Вас, мы можем предложить Вам альтернативу, включающую гарантию суммы денег Вам лично. Это даст Вам возможность начать новую жизнь.

Если Вы хотите обсудить эти вопросы в деталях с представителем норвежских властей, Вы должны действовать согласно прилагаемым инструкциям.

Поскольку здесь мы не можем дать инструкции на Вашем родном языке, мы дадим их на английском языке, которым Вы очень хорошо владеете.

Инструкции прилагаются».

Титов закончил чтение.

– Нам не о чем говорить.

– Отнеситесь внимательно к тому, что я Вам сказал. Вы можете от этого только выиграть!

Туре Юнсен и сопровождающая его женщина ушли. Титов постоял минуту у витрины магазина и в задумчивости перешел улицу в направлении ресторана «Тадж Махал». Представление продолжалось всего несколько минут. Люди проходили мимо. Никто, похоже, не обратил внимания на разговор трех человек. Улица была пуста, но купалась в лучах света. Небо стало еще более темным. Было холодно, в небе кружились одинокие снежинки.

Предварительное заключение

Была суббота 21 января 1984 г. – один из холодных норвежских зимних дней, когда солнце низко повисло над горизонтом, и в воздухе стояла тишина. Адвокат Ульф Ундерланд отправился в поездку. Она началась с местечка Хевик в пригороде норвежской столицы Бэрум, где моя жена Кари с сынишкой Торстейном гостили у ее родителей, а закончилась в поселке Брандбю, где жили мой отец, братья и сестра. Ундерланд нес весть, которая, как он знал, вызовет шок и отчаяние.

Он ехал, не замечая красот озера Харестю, подъема на Грюа, заснеженных хуторов Хаделандса и кратера старого вулкана у Брандбю.

Семья собралась дома у отца, когда машина Ундерланда повернула во двор хутора. Отец только что завершил служебную карьеру: он был крестьянином, активным членом Норвежской рабочей партии, много лет – министром сельского хозяйства, а в последние годы – губернатором фюльке (провинции) Оппдал. Теперь его ожидали спокойные годы и заслуженная пенсия. Но это было до того, как взорвалась бомба: «Ваш сын арестован по подозрению в шпионаже».

Он сидел – достойный человек, спина которого не согнулась, слушая адвоката. Подумав, он сказал:

– Арне – мой сын. Не моя задача судить – на это есть суды. Что бы с ним ни произошло, Арне мне по-прежнему близок.

Я встретился с ним несколько дней спустя. Это произошло при унижительных условиях. Мы не могли говорить о том, что нас занимало. Я видел горе в его глазах, и в то же время он

сохранял самообладание и гордость. Он был человеком старой школы.

– Я с тобой, Арне, – просто сказал отец, и ни один мускул не дрогнул на его лице.

Никаких вопросов. Никаких упреков. Никаких сомнений. Норвежская скала.

– Жизнь состоит из многих хороших и плохих дней. Мои лучшие годы были, когда мне перевалило за шестьдесят, – сказал отец, прежде чем ушел. Эти слова, в общем-то, были не утешением, а спокойным призывом не ропща принимать дни и годы жизни такими, какие они есть.

Я цеплялся за иллюзию, что арест произошел по недоразумению, и дело можно решить полюбовным соглашением. Мне нужна была помощь адвоката, который хорошо бы знал тонкости и лабиринты дипломатии. Тогда, может быть, все закончится строгим предупреждением. Последние пятнадцать лет я видел, как людей за упущения вынуждают сменить место работы. Я сам принимал такого рода решения. Разве данный случай чем-нибудь отличается? Его вполне можно разрешить без суда.

Ундерланд, который много лет работал в договорно-правовом управлении МИД, тактично позаботится о том, чтобы все встало на свои места. В горячке я верил в это полностью и безоговорочно. Появление Ундерланда в полицейском управлении в первые хаотичные часы было воспринято мною как спасение.

Следователи зашептались, сдвинув головы:

– Кто такой Ундерланд? Нужно ли спешить с адвокатом? Мы хорошо продвинулись с отбором показаний!

В моем мозгу пронеслись кадры из классического американского фильма: убийство и суд присяжных, пустая кирха и лицо актера Хамфри Богарта. Он играл роль человека, обвиненного в убийстве, которого не совершал, и был спасен своим адвокатом. Я арестован и уничтожен. В первые часы я сомневался, есть ли у меня какие-либо права. Но сейчас я упрямо настаивал на немедленном свидании с адвокатом.

Возникшее замешательство дало мне первую возможность для размышлений. Я инстинктивно чувствовал край пропасти, по которому я балансировал, пойдя на встречи с Геннадием Титовым. Я знал, что если об этих встречах станет известно, они могут быть неправильно истолкованы, но чувствовал в то же время, что мне не о чем беспокоиться. Я никогда не разгла-

шал важные для страны сведения. Напряжение двигало меня дальше. Меня никогда не останавливал и не заставлял посмотреть вниз страх высоты. Должен же быть выход.

Когда пришел Ундерланд, я, не помня себя, уже в течение 7–8 часов что-то рассказывал полицейским. Когда мы с адвокатом остались наедине, я повис у него на шее и заплакал как дитя. Я не мог контролировать свои чувства.

Настроение менялось от шока, полного коллапса до далеких от реализма мыслей. Я рассчитывал, что через несколько часов смогу уйти домой. Я видел перед собой детскую комнату и себя, глядящего по голове шестилетнего сына Торстейна, названного в честь своего деда.

Ундерланд смотрел на меня печальными глазами. Мы не виделись много лет.

– Как ты себя чувствуешь, Арне? У тебя хватит сил на новые допросы вечером и ночью? Может, тебе лучше сделать сейчас перерыв?

Это показалось мне оскорбительным. Как мог он спрашивать, хватит ли у меня сил и не нужен ли мне перерыв! Я должен покончилось со всем этим, чтобы как можно быстрее попасть домой. Ундерланду нужно было кричать или ударить меня, чтобы я слушал его. Но он был тактичным человеком. Кричать он не умел.

Мы обнялись, когда он уходил в 9–10 часов вечера. Опять появились следователи, и допросы продолжились. Когда они ушли, я собрал силы и постарался вновь пережить часы, прошедшие после ареста.

Катастрофа

20 января было очень холодно. Когда меня после задержания вывели из аэропорта, я увидел стоящий автомобиль, серый и без опознавательных знаков полиции. Меня затолкнули на заднее сидение между двух полицейских в гражданской одежде. Через окна мне было видно желто-красное зимнее солнце, пробивающееся через облака. Морозная дымка толстым слоем висела над фьордом Осло. Порывы ледяного ветра так остудили дно автомашины, что я поджал пальцы ног, чтобы не замерзнуть. Было примерно половина первого. Вокруг меня сидели незнакомые люди, тени, с которыми я раньше только соприкасался.

Человека, который преградил мне путь к самолету, я раньше видел, но не помнил – где. Что-то угадывалось в нем знакомое.

Голова была тяжелой, мысли – хаотичны. Поездка в Вену откладывалась мной до последнего момента. Внутренний колокольчик, к которому я прислушивался слишком мало, подсказывал: что-то не в порядке.

Слова, услышанные в аэропорту Форнебю, щелкали, как удары кнута. Арестован. Шпионаж. Советский Союз. Должно быть, это недоразумение. Кошмарный сон. Это не может относиться ко мне!

Все произошло очень быстро. Я охнуть не успел, как мир рухнул. Арест занял меньше минуты. Свидетелей не было.

Автомобиль въехал на улицу Драмменсвейен. Это мог быть любой автомобиль. И уж если на то пошло, на моем месте – любой начальник управления.

Во время поездки случился только один запомнившийся момент. Сидевшие рядом со мной полицейские достали наручники и переглянулись. Я впился в них глазами, и наручники были отложены в сторону.

Дороге, казалось, не было конца. Я старался быть спокойным, мерз и чувствовал приближение тошноты. Переживал внутренний хаос, когда казалось, что тело в любую секунду может взорваться. Спросил у полицейских, за что я задержан, на что получил презрительный ответ: «Узнаешь в свое время!»

Проехали мимо района Шелюст, где прошлым вечером я совершал пробежку. Дорожки были засыпаны только что выпавшим снегом, было холодно, но не скользко. Пробежка давала ощущение свободы.

Они забрали у меня портфель и дорожную сумку. Я попытался вспомнить, что там было. Тренировочный костюм и кроссовки, которые я всегда брал с собой, туалетные принадлежности, пара сорочек и толстая книга по истории Вьетнама, которая предназначалась для дорожного чтения. Перед выходом из своего офиса я сгреб в портфель сегодняшнюю почту, телеграммы, письма и записки. В сумке были деньги, порядка 30–40 тысяч норвежских крон, оставшихся после покупки билета.

Проклятые телеграммы давили, как камень на сердце. Я даже их толком не разглядел. В последние дни я был более чем обычно занят подготовкой планов и мероприятий по освещению прессой визита в Норвегию госсекретаря США. Предназначенные мне материалы накопились за последние два дня. Как исполняющий обязанности представителя МИД по вопросам

печати я обычно брал телеграммы домой, чтобы иметь их под рукой во время телефонных звонков журналистов.

Теперь я видел перед собой заголовки, которые появятся в СМИ: «Начальник управления арестован в Форнебю с полным портфелем документов», – и ругал себя последними словами. Юрунн, моя секретарь, ушла на ленч, когда я собирался уезжать. Если бы она была на месте, я попросил бы ее уничтожить всю эту стопку бумаг. Однако трудно было убедить полицию поверить в это. Я не мог думать о чем-либо другом, кроме проклятых бумаг в портфеле.

Я посмотрел на лица окружавших меня людей в автомобиле. Они были застывшими и не выражали ничего. Мысленно представил лицо Кари. Что она скажет? В последние пару недель ее настроение улучшилось, и мы, казалось, вновь найдем общий язык и обретем друг друга. Я думал об отце, братьях и сестре, друзьях. Это было катастрофой для всех.

Мысли о Торстейне мучили меня больше всего. Передо мной всплыла картина, когда мы вместе с норвежским послом в Бейруте ездили в Южный Ливан. На сыне были короткие штанишки, а в руке зажат оловянный солдатик, придававший ему уверенность в походе по узкой тропинке вверх по крутому склону. У солдатика было ружье, а на поясе висели гранаты. Стояло лето. Торстейн посмотрел на меня своими большими детскими глазами: «Не бойся, Арне!»

Машина остановилась на перекрестке у площади перед ратушей. Я засмеялся воспоминанию, но тут же подступили слезы. Торстейну было почти шесть лет, и я видел перед собой его открытое детское лицо. С чем я, собственно, играл? Никогда не мог насытить любопытство, приглушить непреодолимую тягу идти своим путем! Я делал усилия, чтобы не зарыдать.

Мне не хотелось, чтобы полицейские увидели мое состояние. Я украдкой оглянулся вокруг, напряг мускулы и сжал руки в кулаки, не желая показывать им свою слабость. Прикрыв глаза и опустив на грудь подбородок, я плакал внутри и не заметил, как отключился.

Когда я очнулся, передо мной поплыли картинки вчерашнего дня. Я поднялся на трибуну, где фотографы смогут сделать снимки, когда появится госсекретарь США. Ничто не было отдано на откуп случайности. Я спланировал освещение визита до малейшей детали.

Я вновь мысленно перенесся в аэропорт Форнебю. Человек с орлиным носом подходит ко мне. Его фигура, походка и по-

ведение должны продемонстрировать триумф. Это, наверное, самый большой день в его жизни.

И вдруг я вспомнил, где его видел. Это полицейский инспектор Эрнульф Тофте, начальник контрразведки ПОТ. После ареста в 1977 году сотрудницы МИД Норвегии Гунвор Ховик по обвинению в шпионаже в пользу Советского Союза Тофте вместе с заместителем начальника ПОТ Туре Юнсенем был в Министерстве иностранных дел. Они заходили для допроса в расположенный в здании кабинет министра по вопросам морского права Енса Эвенсена, у которого Ховик когда-то работала секретарем. Эвенсен негодовал впоследствии по поводу качества составленного протокола. Контрразведчики вернулись, и я, в ту пору статс-секретарь, заместитель министра, по его просьбе поправил и переписал протокол. Помню, с каким негодованием отнесся к этому Тофте. От этого человека ничего хорошего ждать было нельзя.

Многоглавый тролль тарашит глаза

Автомобиль остановился возле входа в новое здание полицейского управления на площади Гренландслейрет в Осло. Я никогда не был в полицейском управлении. Его здание выглядело большим и пугающим. Я посмотрел вверх на огромные окна в надежде, что никто не заметит этого. Пройдя несколько метров, мы зашли в лифт и поднялись на девятый этаж. Дверь лифта была закрыта, и моя «свита» загремела связкой ключей, прежде чем нашелся нужный. Мы поднялись на один пролет по лестнице и зашли в коридор, где размещалось самое секретное подразделение – оперативный центр ПОТ.

Двери были одного цвета и тесно примыкали друг к другу. Маленькие скромные таблички с именами на дверях как в любой официальной конторе. Я повернул голову и замер. Проход был забит людьми. Они сгрудились в конце коридора и тарашили на меня глаза, как многоглавый тролль из древней саги.

Меня завели в маленькую закрытую комнату, где сидели трое мужчин. Я узнал среди них Тофте. Он не мог скрыть своего рвения приступить к делу. Двое других сидели выжидающе у письменного стола. Я повесил пальто в шкаф, мне сразу стало холодно, и я почувствовал себя раздетым догола.

Зашли еще четыре человека и попросили меня пройти в туалетную комнату, где они обшарили меня с ног до головы. Во время обыска я бормотал про себя: «Чертовы мешки с дерьмом». Я чувствовал себя ужасно. Живот выворачивало наизнанку, но я не мог сплюнуть. Руки были словно налиты свинцом. В глазах потемнело, и ноги подкашивались.

– Раздевайся¹.

– Как вы сказали? Что мне нужно делать?

– Мы должны посмотреть, нет ли у тебя чего под бельем. Расстегни ремень. Он останется у нас. Быстрее. Мы не собираемся возиться с тобой целый день.

Я устал. Пока я после осмотра умывался, они тихо переговаривались. Мне пришлось опереться, чтобы не потерять равновесие. Я увидел дверцу туалета: «Я зайду туда». Они кивнули. Когда я закрыл дверь, они вдруг рванули ее на себя. «Нет, так не пойдет. Мы должны наблюдать за тобой». Я сидел, приспустив штаны, на стульчаке, а они глазели на меня, придумывая, чем бы еще меня унижить.

Когда я хотел спустить воду, они закричали:

– Нет, не делай этого!

– В чем еще дело? – раздраженно и устало произнес я.

– Не прикидывайся дураком. Выходи!

Один из них надел пластиковые перчатки и обследовал содержимое унитаза. Я услышал шум воды. Они сделали свое дело. Я натянул брюки. Ремень остался у них.

Это было страшно. Меня преследовали и раздели. Толпа людей в коридоре. Ожидания. Я – продукт той работы, в которую они вложили силы и средства.

Мои мысли прервали открывание и захлопывание двери. Я вновь очутился в комнате для допросов.

Конфронтация

Топте начал допрос вместе с инспекторами Эйнаром Бруслетту и Арне Рюстадом. В комнате помимо письменного стола и четырех стульев стояли кровать, небольшой столик и массивный сейф. Наливая воду из графина, я пролил ее на

---

¹ В Норвегии люди от мала до велика традиционно, за исключением официальных случаев, обращаются друг к другу на «ты».

стол. Следователи сидели напротив меня. Оконные стекла, в том числе и смотревшие в коридор, были матовыми.

– Садись, – сказали они.

Как будто какой-то гул, издавела слышались их голоса. Они говорили что-то и бросали на меня беглые взгляды. Я проглотил комок в горле и с трудом произнес:

– Что вы от меня хотите?

– Нет смысла вести игру. Ты от этого ничего не выиграешь. Мы знаем о тебе почти все. Ты направлялся на шпионскую встречу в Вену.

– Я ехал в Вену, чтобы встретиться с подружкой.

– Вы посмотрите, он ехал к подружке. Ну и как ее зовут?

– Это не твое дело!

Они засмеялись и переглянулись. Подруга? Это смешно.

– Брось эти штучки, – серьезно сказал Гофте. – Придумай что-нибудь получше.

– Что ты имеешь в виду?

Гофте посмотрел на своих коллег и достал фотографию, которую с триумфом выложил передо мной.

– А это кто?

Это была фотография Геннадия Титова! В голове заколотили молоточки. Они тайно наблюдали за нашими обедами с Титовым. Я подумал о телеграммах в портфеле. Они были единственным, из-за чего моя совесть не была чиста, но ведь я даже не знал содержания этой проклятой стопки телеграмм? Независимо от того, что я скажу, они, конечно, будут утверждать, что телеграммы предназначались для передачи Титову.

– Так кто это?

– Это Геннадий Титов, который был советником советского посольства в Осло несколько лет назад. Какое-то время он был временным поверенным в делах СССР в Норвегии. Да, я его знаю. Я встречался с ним много раз.

– Ты играешь на нашем терпении. Ты прекрасно знаешь, что это генерал КГБ. И ты прекрасно знаешь, что именно с ним ты должен был встретиться в Вене. Избавь нас от своих уверток.

– Я же сказал, что знаком с Титовым. Он знал, что я собираюсь в Вену. Я думал, возможно, встретиться с ним, но не принял окончательного решения.

Я чувствовал, что мои слова не внушали доверия.

– Так ты тогда еще не решил?

– Нет, я не был уверен в том, что встречу с Титовым.

– Как ты сам полагаешь, звучат ли твои слова правдоподобно? Ты встречал Титова в Вене раньше?

Я почувствовал, как струйки холодного пота побежали по спине. Неужели эти дьяволы были в Вене? Тофте привстал и бросил на стол передо мной новую фотографию.

– А этот человек тебе тоже знаком?

Я увидел на снимке Лопатина. Значит, его они тоже знают. Это было в Вене. В мозгу пронеслись, как в кино, кадры: август 1993 года, Вена, трамвай, брусчатка, дома, ресторан, встреча в «Тадж Махал». Я спросил себя, могли ли они быть в ресторане.

– Так кто это?

– Лопатин, советский дипломат, который работал в Осло в середине 70-х годов.

– Точно, Лопатин. Это ты помнишь. Ты должен был провести шпионскую встречу с Титовым и Лопатиным!

– Я понятия не имею насчет Лопатина, но знаю, что Титов собирался туда. У меня не было никакой договоренности с Лопатиным. Кроме того, я тогда еще не решил...

– Хватит! Перестань лгать. Единственное, что может тебя спасти, – это раскрыть карты и сотрудничать с нами! Мы знаем, что ты лжешь.

– Я не лгу!

Тофте разозлился и бросил на стол еще одну фотографию.

– Ты лжешь, и мы об этом знаем!

Прошлое догнало меня. Это была та самая, ставшая потом скандально известной фотография Титова, Лопатина и меня на улице в Вене. Это был хороший снимок. Мы неторопливо шли в приподнятом настроении. Два друга сердечно рады встрече. Лето, улыбки и теплота. Лопатин смотрит на нас, а мы с Титовым жестикулируем и хорошо себя чувствуем в обществе друг друга.

Эта злополучная фотография могла быть снята на любой улице и в любом городе. Такова была реакция Бруно Крайского, федерального канцлера Австрии с 1970 по 1983 год, когда он увидел эту фотографию. Шпионские встречи не проводятся в Вене открыто на улице. Во всем этом была лишь одна заправка: я никому не говорил о своих зарубежных контактах с Геннадием Титовым. Мне было также известно, что в феврале 1977 года его объявили «персона нон грата» в Норвегии, а сейчас он занимал солидное положение в Москве. Все это я знал и, тем не менее, встречался с ним за границей.

Я был в шоке. Контрразведка загнала меня в угол и явно делала ставку на получение от меня признания в шпионаже.

Они, должно быть, ежеминутно следили за мной в течение многих лет и предполагали, конечно, худшее. Но если они знали, что я встречался с Титовым в Вене, и сделали фотографию встречи, почему они тогда меня не арестовали? «Стопка телеграмм», – подумал я. Может быть, именно ее появления в моем портфеле они ждали, прежде чем схватить меня. Они ни на минуту не поверят, что я взял ее с собой, чтобы прочитать в самолете. Они будут напирать на то, что телеграммы предназначались Титову.

– Могу я выйти в туалет? Мне нужно сплунуть.

Они сочувственно и понимающе кивнули. Они взяли верх. Один из следователей исчез и вскоре пришел.

– Все в порядке. Можешь идти.

Охранники были те же самые. Они смотрели на меня с подозрением. Я опять оказался в туалете с открытой дверью. Меня подташнивало. Я сплунул в раковину, прополоскал рот и попытался успокоиться. Что они, собственно, ожидают? Настойчиво предлагают сотрудничество. Означает ли это, что я должен предложить им свои услуги? Я вернулся в комнату.

В воздухе витало напряжение. В комнате царила атмосфера неприязни. Тофте посмотрел на меня с издевкой и ненавистью.

– Ну, одумался? Бесполезно блефовать. Тебя может спасти только сотрудничество со следствием. Ты это понимаешь?

Он продолжал гнуть свою линию. Что Тофте, собственно, имел в виду?

– Что вы хотите, чтобы я сделал? Чего вы ждете от меня? Вы хотите, чтобы мы вместе сломали этих русских?

– Слишком поздно! Если бы ты проявил желание сотрудничать много лет назад, это было бы возможно. Сегодня можешь об этом забыть. Ты достаточно долго наносил ущерб норвежским интересам.

Комната и люди плыли передо мной, как в тумане. Тофте вел себя высокомерно и пренебрежительно. Я мог вцепиться ему в горло. Его наглость раздражала. Он был зол. И я был зол, но власть была в его руках.

– Что ты имеешь в виду? Не говори загадками. Я никогда не наносил ущерба национальным интересам Норвегии. И ты это знаешь, если, как утверждаешь, вам все известно обо мне.

Тофте достал записную книжку, которую у меня изъяли.

– Что здесь написано?

– Неразборчиво, может быть, Клиса.

Новая фотография легла на стол. На этот раз снимок магазина с улицы. Над магазином вывеска – КЛИМА.

– Что тут написано?

– Клима.

Тофте вскочил и закричал: «Хватит!» Бруттесту и Рюстад опустили головы, давая своему шефу работать.

– Ты помнишь название этой улицы?

– Если я правильно помню, это, должно быть, Нюссдорферштрассе.

– Посмотрите-ка! Дела пошли лучше. Куда вы направлялись?

– Мы решили поехать в индийском ресторане, который находился на другой стороне улицы.

– Как назывался ресторан?

– Я думаю, «Тадж Махал».

– Вы должны были встретиться на этом же месте и в этот раз?

– Мы договорились встретиться с Титовым либо в январе, либо позднее, зимой, в Хельсинки. Я для себя еще ничего не решил. Мне ничего не было известно о Лопатине до того момента, когда он появился в Вене. Я не знаю, собирался ли он приехать на этот раз вместе с Титовым.

– Но мы-то знаем, что ты принял решение и должен был встретиться с ними обоими снова. Нет смысла блефовать. Мы все знаем о тебе. Вот, посмотри, твоя записная книжка. Прочти сам. Брось свои ухищрения. Речь идет о доверии к твоим показаниям. Это будет решающим для тебя.

Это невозможно! Записная книжка всегда была у меня в кармане. Как они могли получить к ней доступ? Это означало одно – вторжение в мою квартиру. Я вспомнил какие-то странные тени в подъезде дома. Так вот в чем разгадка. Эти люди были из контрразведки. Это было невероятно. Неужели ПОТ может вести себя, как хочет, и проникать в дома и квартиры людей?

– Нам нужно объяснение. Так что здесь написано? – продолжал Тофте.

– Я думаю, что это Нюссдорферштрассе.

– Так-то лучше. Значит, ты признаешься. Почему ты отказывался раньше?

– Я ни от чего не отказывался. Ты оказываешь дешевый нажим. Я не хочу дальше принимать участие в этом фарсе.

– Как ты сказал – нажим? Ты называешь это нажимом. Этим ты ничего не добьешься. Мы просто делаем свою работу. Я знаю, как ловить шпионов. Будь моя воля, мы арестовали бы гораздо

больше людей. Политики слишком осторожничают. Я бы тебя взял намного раньше.

– Что ты имеешь в виду? Что значит «взял раньше»?

– Не нужно ломаться. Карты на стол! Мы все знаем о тебе. Мы постоянно наблюдали за тобой с 1977 года. Ты понимаешь, что я тебе говорю? Конец! Игра окончена!

– Вы следили за мной семь лет и, если бы я не поехал в Вену, продолжали бы еще семь лет? В чем смысл? Чего вы добивались? Если ты был так уверен, почему было необходимо столько ждать? Ты хотел втоптать в грязь как можно больше людей?

Я кипел. Что произошло за эти семь лет? С осени 1976 года до отъезда в Нью-Йорк у меня не было контактов ни с кем из советского посольства. Я встретился с Жижиным и Титовым в Хельсинки в январе 1979 года. Жижин приехал на работу в представительство Советского Союза при ООН весной 1980 года. Мы с ним периодически встречались за ленчем. Титова за последние пять лет я видел пять раз.

– Так ты признаешься?

Я выпрямил спину и ответил:

– Я никогда не скрывал, что я общался с советскими дипломатами. Это было для меня естественным на различных должностях, которые я занимал. Я время от времени обедал и ужинал с ними.

– Не рассказывай нам сказки! Ты поддерживал контакт с сотрудниками КГБ. В этом все дело. И ты это прекрасно знаешь.

– Ты знаешь, кто есть кто? Ты знаешь разницу между советским дипломатом и сотрудником разведки? Разве это имеет значение?

– Я говорю о КГБ. Мне надоела чушь, которую ты несешь. Это тебе не поможет.

– Ну, тогда ты можешь продолжать представление один. Я не собираюсь больше играть в эти игры. Я хочу глубоко во всем разобраться, но без твоих хулиганских выходов. Хватит!

Резкая перемена

Неожиданно поведение Тофте резко изменилось. Он стал почти скромным и попросил извинения.

– Если ты думаешь, что тебе легче будет говорить с двумя другими следователями, я могу уйти. Ты, наверное, неправильно меня понял.

– Я понял все правильно, но я не люблю, когда на меня кричат. Я привык к вежливому тону. Что касается вопроса, кому вести допрос, решения принимаешь ты, а не я. Но в фарсе участвовать я не буду. Кроме того, у меня есть право на защиту. Я немедленно требую адвоката!

Стало тихо. Должно быть, с начала допроса прошла пара часов. Впечатления были шоковые. Я боролся со своими чувствами, чтобы они не захлестнули меня. Тофте провоцировал меня так сильно, что я мобилизовал силы и нанес ответный удар. Это не может долго продолжаться. Я понял, что сидеть вместе с ними одному, без адвоката, при моем душевном состоянии – сумасшествие.

Следователи что-то сказали друг другу шепотом и переглянулись. Беседа до сих пор носила неофициальный характер. Никто не делал записей. Двое других следователей на первый взгляд выглядели более мягкими, чем руководитель допроса. Тофте встал и вышел из комнаты. Он вернулся через несколько минут. Во время паузы следователи спросили, не голоден ли я. Я не думал о еде.

– Вы хотите, чтобы у Вас был адвокат?

– Да, я хочу, чтобы моим защитником был адвокат Ульф Ундерланд.

Они продолжали переговариваться. Я заметил, что могу побыть в коридоре, если им нужно поговорить без помех. Они пропустили мимо ушей мои слова и снова спросили, не хочу ли я поесть. Я решил отказаться от еды, поскольку это может произвести впечатление слабости. Вместо этого после минутных раздумий я попросил принести воды.

Не могли ли они подсыпать что-нибудь в графин? Может быть, они намереваются сломить последние остатки моей воли к сопротивлению? Однако эта мысль показалась мне слишком идиотской, и я демонстративно выпил два-три стакана воды, после чего попросился в туалет.

Они кивнули. Вновь появились мои «спутники». В туалете они опять внимательно следили за мной.

Когда я вернулся, Тофте вновь сидел за столом. Следователи спросили:

– Что ты передал Титову в Вене?

Вопрос застал меня врасплох.

– Я дал ему экземпляр своей записки об одном из заседаний в ООН в июне. Я как раз ее закончил перед отъездом в Вену.

– Ты знаешь, что говоришь неправду.
– Вы можете думать, что хотите. Я не имел допуска к каким-либо документам в МИД после своего возвращения из Нью-Йорка.

– Мы тебе верим, но, быть может, у тебя было с собой кое-что еще?

Все это время Тофте молчал, а говорили другие два следователя.

Я подумал о том, к чему теоретически мог иметь допуск в тот период. Единственно, о чем могла идти речь, – это распространяемый в 300 экземплярах ежемесячный мидовский сборник некоторых информационных сообщений с грифом норвежских посольств. Мне вдруг захотелось сказать что-нибудь, чтобы они остались довольны. Не раздумывая, я выпустил воробья, которого не поймашь:

– Возможно, я дал ему еще последний номер ежемесячного сборника МИД.

Это просто вырвалось у меня. Я знал, что наговариваю на себя, но если я возьму свои слова обратно, это ослабит достоверность моих показаний. Я услышал, как Тофте сказал:

– Помни, все, что ты говоришь, может быть использовано против тебя. Если ты откажешься от сказанного, это ослабит доверие к тебе. Ты должен рассказать нам все.

Я застыл на стуле. Я ведь сказал им неправду. Я попытался как-то пойти им навстречу, сказав о сборнике МИД. С моей стороны этот шаг был своего рода переговорным ходом. Судорожной попыткой найти с противной стороной компромисс.

– Это все. Я сказал то, что сказал.

– Ты блефуешь. Ты знаешь, что это неправда. Мы видели, что у тебя с собой был конверт толщиной примерно в сантиметр.

– Да, может и так. Замерьте толщину сборника МИД и увидите, что я говорю правду.

Тофте вновь взял в свои руки бразды правления в допросе:

– Сколько денег ты от него получил?

– Я никогда не получал денег от Титова. Мы встречались и разговаривали. В беседах он рассказывал мне столько же, сколько я ему. Он предлагал мне покрывать расходы на дорогу и размещение в гостинице. Это все.

– Хватит. Ты лжешь. Мы знаем, что деньги текли рекой.

– Перестань говорить загадками. Объясни, откуда ты взял свои обвинения?

– Мы знаем, что речь шла о крупных суммах денег.
– Ах, вы знаете! Вы намекаете на мой счет в швейцарском банке? Он был открыт в 1982 году во время моей работы в Нью-Йорке. Я продал две автомашины в 1981 и 1982 годах примерно за 30 тысяч долларов. Вырученные деньги я поместил в «Суисс бэнк» вместе с остальными сбережениями. Сейчас на счету 52 тысячи долларов.

– Когда ты начал встречаться с русскими?

– Пожалуй, осенью 1967 года, когда меня впервые пригласили на прием к советскому дипломату. Там было много молодых политиков и журналистов. После этого меня регулярно стал приглашать на ленчи и ужины первый секретарь посольства Беляев. Он дарил мне водку к каждому Рождеству. Два-три раза он был у меня дома. Ему не нравились мои статьи в газете «Арбейдербладет»² по поводу вторжения в Чехословакию. Это привело к охлаждению отношений. Контакт носил рядовой характер и не отличался от тех, которые поддерживали очень многие политики и журналисты.

– Это он тебя завербовал?

– Завербовал? Что ты имеешь в виду?

– Не прикидывайся! Мы знаем это.

– Что ты знаешь? Ты вынюхивал много лет. Но ты явно недалеко продвинулся. Я не понимаю, о чем ты говоришь. Меня никогда и ни для чего не вербовали!

– Расскажи о Титове.

– Это интеллигентный и обаятельный человек. Всегда хорошо информирован. У меня было с ним несколько полезных встреч.

– Значит, Титов тебя завербовал? Когда ты преступил порог в отношениях с ним? Когда ты окончательно перешел черту?

– Какую черту? Говори понятнее.

– Я имею в виду, когда ты стал агентом Титова? Когда ваш контакт перестал носить чисто дипломатический характер? Когда пошла речь об услугах? Ты должен понимать, что это важно и для Кари.

– Кари! При чем здесь она?

– Для нее будет важно узнать, был ли ты агентом до того, как встретился с ней, или после того, как вы поженились.

---

² «Арбейдербладет» («Рабочая газета»), печатный орган социал-демократической Норвежской рабочей партии (НРП), которая многие годы была правящей партией (здесь и далее прим. пер.)

– А она-то здесь причем?

– Ты ведь не хочешь вовлечь ее в это? Ты, наверное, заинтересован, чтобы она осталась в стороне.

– Конечно, но я не понимаю, куда ты клонишь?

– Ты должен понимать, что для нее важно знать, что ты был агентом еще до встречи с ней, а не стал им после этого.

– Что за представление ты устраиваешь! Черты, пороги, агент, Кари? Я не понимаю, зачем ты вмешиваешь в это Кари?

– Я думаю, что ты перешел черту в 1975, может быть, еще в 1974 году. Сколько денег ты получил тогда от Титова?

– Я еще раз повторяю, что денег от Титова не получал. Мы обедали и ужинали 3–4 раза в год и, пока он был в Осло, оплачивали ресторанные счета по очереди.

– Но ты ведь делал ставки на лошадей!

– Да. Это что, стало криминальным занятием? Мне нравилось бывать на ипподроме Бьерке.

– Ты часто там бывал?

– Раньше это было чаще, а после рождения Торстейна времени на это не остается. Какое это имеет отношение к делу?

– На этот вопрос ты сам можешь ответить.

– Довольно! Я больше не скажу ни слова, пока не поговорю со своим адвокатом. Почему вы тянете с этим?

– Ты с ним увидишься. Мы позвонили Ундерланду. Он придет попозже.

– Так не пойдет. Я хочу поговорить с ним немедленно.

Новый срыв. Тофте провоцировал меня своей агрессивной самоуверенностью. Бруттесту и Рюстад вели себя, напротив, предупредительно. Может быть, я действительно проголодался? Они, наверное, желали мне добра. Я ведь был интеллигентным и хорошим парнем. Мысли скакали из одной крайности в другую. Сейчас «хулиган» Тофте вышел, и я остался наедине с людьми, которые понимали меня и искренне желали разобраться во всем. С такими людьми я мог бы сотрудничать. Важно было продолжить допрос и закрыть дело. Мысль об адвокате была предана забвению.

После задержания прошло три часа. Никаких записей во время первого раунда допроса не велось. Никто не сказал мне, что я могу отказаться отвечать на вопросы в отсутствие адвоката, которого я, как подозреваемый, конечно, имел право потребовать. Следователи пытались использовать шоковую ситуацию. Я решил, что, как только допрос закончится, запишу